

Глеб Маринов

МОТЫЛЁК

повесть о первой любви

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Глеб Маринов

Мотылёк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66437272

SelfPub; 2021

Аннотация

Стихотворная повесть о первой любви двух сверстников, живших во время великих перемен на их малой родине, в большой стране и в мире. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержит нецензурную брань.

Глеб Маринов

Мотылёк

Глава первая

Перед бабочкой – пучина
Неразгаданных страстей.

Николай Олейников

Мотылёк, мелькавший яром
И придавленный рукой,
Всхлипнет каждым капилляром
О любви своей земной.

Понапрасну будет сниться
Мотыльку его цветок,
Ведь к цветку не возвратится
Этот бедный мотылёк...

Ах, зазря, себя волнуя,
Вспоминаю я, как бред,
Предвкушенье поцелуя,
Привкус, призывок прежних лет!

Память... Май незаметённый!
Бунтовал тогда в крови
Тёмный и неискушённый
Неустанный ток любви.

.....

.....

.....

.....

Помню... В цветень уходили
От моста наискосок
И, прильнув и вникнув, пили
Мотылькам любезный сок.

В небосвода синей чаше
Плавал, помню, алый рот,
И тянулись крылья наши
Пить – и выпить небосвод!

Провожал е ё ... А там уж,
Носик пряча во цветы,
Говорила: "... Выйду замуж,
Если первым станешь ты..."

Помню – как в литературе

Получился мой ответ:
"Знаешь, я ведь по натуре
Исключительно поэт!"

Помню... Вечер... Цветоодурь
И беседки козырёк,
И слова е ё : "...Ты лодырь!
Ты редчайший мотылёк!"

И смеялся я: "...Летают
Мотыльки всегда вдвоём
И совсем не понимают,
Для чего мы все живём..."

.....
.....
.....
.....

Приводил я е й примеры
Из поэзии родной,
А о н а : "Бездарны... Серы...
У Марины дар одной..."

С пылом, будто о святыне,
Говорила: "...Знаешь ты

Плач Ахматовой о сыне
В диком царстве мерзлоты?"

Разыграв тогда эстета,
Я е й что-то лепетал
И поддакивал, что "это"
Я, конечно же, читал...

Будто вышедший из леса,
От свободы я был пьян.
А в страну в те годы пресса
Ворвалась, как ураган!

Помню – в споры-разговоры,
В пренья втянута страна:
Ищут в Ленине опоры,
Роют – в чём его вина;

Кто стремится за границу,
Кто оплакивает пни;
Издан жуткий Солженицын,
Вышли Бунинские "...Дни";

Вышла Венечки поэма
И Войновича роман,
"Покаяние" и "Тема"

Вышли снова на экран.

Возмутительные книги
Несговорчивых натур
Вышли, сбросивши вериги
Предрассудков и цензур...

Сколько слов – и сколько перцу, -
Сколько нам надежд – и слёз -
В приоткрывшуюся дверцу
Тот Апрельский вихрь нанёс!

.....
.....
.....
.....

Гарью пахло. Перестройку
На её шестом году,
Будто загнанную тройку,
Распрягали – на ходу.

И топтал какой-то дядя
Краснокожий партбилет,
Обменяв талон не глядя
На кулёк дрянных галет.

Хлёсткий век дороговизны
Расплывался, как синяк...
Сын ли, пасынок отчизны,
Был – как все – и я бедняк.

Я восьмое-двадцать третье
Блюл, как будто бы обряд,
И мечтал восьмое встретить
Я Седьмого ноября...

И желал я неулыбим
Сейфом стать с одним глазком,
Чтоб пузатой важной глыбой
В уголке стоять молчком

И для всяких операций
Отпираться, чуть звеня,
Чтобы пачки ассигнаций
Клали тётеньки в меня.

Но – в мечтах своих богатый -
Сладить с бедностью не мог
Я, безделья друг заклятый,
Я, редчайший мотылёк!

А о н а ... Влекущей синью
Упорхнула в Новый Свет
Из почти уже России,
Но ещё союзных лет.

Вот и всё... И я остался
В т о й стране... В ничьей, в чужой!
Словно сам я – эти стансы,
Не отправленные мной

В должный час...

" ... О, если ты,
Возлюбленная моя,
Однажды придёшь ко мне, -
Я, клянусь, расскажу обо всём,
Что случилось меж нами...
Только не думай, молю,
О моя золотая айва,
Будто вор я...
Верь мне, ты ошибаешься!
Но я и не ливень,
Если ты – поле в засуху,
Я не хлеб, если ты голодна...
Так случилось,
Прости...

Мы друг друга не поняли,
Потому что не знали,
Где обитают слова
Самые необходимые, важные...
Может ли знать свирель,
Какое отверстие
В следующий
Миг
Закроет играющий?
Может ли знать колесница,
Какой приказ
Дан возничему
Полководцем?.."

... Лёд не тает,
Помню, в сердце... не в моём;
Сглазил я, сказав – л е т а ю т
М о т ы л ь к и в с е г д а в д в о ё м ...

Не всегда... Умолкни, память,
В неразбавленном вине,
Чтобы смуть моя и замять
Растворились как во сне!

Что мне в том, что в синей чаше
Бледнолицый тополь цвёл,

И тянулись пальцы наши,
Обнимая голый ствол!

Что мне то, что свет свечи,
Словно звёздочка в ночи,
Зыблется, -
Пусть хоть западом восток,
Пусть в часах моих песок
Вздыбится,
Пусть придёт, пройдёт зима,
Пусть меня сведут с ума
Все сачки, -
О, весна моей души,
Пожалей меня – не шли
Весточки!
Камень с плеч твоих падёт,
Кану я – и всё уйдёт
В травы те,
Но и в снах, волнуя кровь,
Будет первая любовь
Правою...

...Одной картины
Осиянных д в а мазка
Были мы... Единой глины
Обожжённых д в а куска;

Миг – и словно две страницы,
Два разорванных листа -
Я, она ... Как будто птицы,
А меж нами – пустота...

И моя душа вся в чёрном -
Как заметна на снегу,
А душа моя вся в белом -
Как заметна на снегу,
А душа моя вся в листьях -
Как заметна на снегу,
А душа моя и в снеге -
Как заметна на снегу!
А душа одета к Пасхе -
Прочь лети, туга-печаль!
А душа одета к пляске -
Прочь лети, туга-печаль!
А душа одета к плахе -
Прочь лети, туга-печаль!
А туга... одета в тело -
Как заметно на снегу...

Лёд шипел мне: пей, чтоб спиться...
И – однажды на реке -
В шаге был я... утопиться,

В жертву броситься – тоске.

Помню... Мост. В реке течение.

В крутоомуте вода.

А в душе моей – влечение

Прыгнуть в воду... Вниз. Туда.

Навсегда... Одно движение

И – прощай! Удар. И мгла.

Будто всосан отраженьем,

Я ушёл бы – в зеркала.

Безобразное влечение

Увлекло б меня на дно,

да услышал вдруг:

"...Течение

Нынче самое оно..."

Оглянулся...

Дед...

Рыбачить

На закат, видать, приобрёл.

И... брэнчаньем, не иначе,

От меня беду отвёл:

"Нынче паводок... И тело

В нети просто не уйдёт,
На позор гнилое дело
Вниз по речке поплывёт.
Будет биться, погружаться,
А душе... душе твоей
Нечем станет отражаться,
Не в чем быть среди людей...
Помнишь, сказывал Сергеич,
Жизнь... от Бога нам дана;
А утопленник – чей чеич?
Кто родня ему? Блесна?
И волна – куда ж деваться, -
Вниз потащит, до плотин
Сыть сомам...
А я лет двадцать
Жив на пенсийку... один.
Померла моя царица,
И ушли за ней коты.
И не скрипнет половица,
Как бывало, у плиты.
Оглянусь – косяк исчерчен
Кверху – кто там и когда;
Жили-были в доме черти,
Разлетелись кто куда!
Сын приехать обещает,
Да, видать, не бросить воз;

Вот внучок и навещает,
Мне он Библию привёз.
Сотня книг была у нас-то,
Книжек много, да не те,
А открыл я Клезиаста
И прочёл о суете.
Я осилил половину,
Перенёс в тетрадь на треть;
Стал строгать я домовину,
Чтоб... врасплах не помереть.
Дни я прожил одиноко,
А в земле наверняка
С одного, другого бока
Люди, спящие... пока.
Там я высплюсь, ох и высплюсь,
От забот я отосплюсь!
А потом... куда-то выльюсь
И во что-то перельюсь.
Смерть моя не за горами
И близёхонек ответ -
Есть ли, нет ли к т о над нами,
Встретит милая, аль нет.
Тяжко, знаю я...
Сыночек,
Выбрось блажь из головы!
Оглянись – ещё денёчек

И теплынь... И шум листвы.
К моему občествоеду
Прибежал на днях зятёк
И не беленькой к обеду,
А... иконок приволок.
Грешен, слышал я словечко:
"Исцеляет... верь не верь..."
Вот, гляди... Сермяга. Свечка.
И медведь – совсем не зверь.
На, возьми..."

Глава вторая

Ускоряясь мчится тело,
В землю-матушку спеша...

Глеб Горбовский

...А у причала
В завихрении ветвей,
Кипятясь, как будто чайник,
Шпарит песню соловей.

Врёт... И всё же – звуковихрем
Как врубают соловьи
Объясненья соловьям

Непонятностей любви!

Нет... По самый кончик носа
Хищный ты, любовь, зверёк,
Ты – ланцет а ля Амосов,
Рёбер вставший поперёк.

А не сдюжу? Кто пристроит
Мой тетрадный речепрах
Во всемирном книгострое,
В этих библиогорах?

А пристроят эти строфы,
Ну и что?.. Узнав печать,
Где-то меж Мариенгофом
И Мартыновым стоять?

Кану я... А тут собаки -
С коркой лунной на носу -
Песнь о вечности как мраке
По задворкам разнесут.

Вдоль какой-нибудь Вдыхальной
Да над Песьей стороной
Разнесётся эпохальный
Мой мотивчик заводной,

Вот и всё... Ни слёз, ни строчки,
Ни обмолвки обо мне,
Мне, родившемся в сорочке
В час полночный при луне!

Помер я... Меня зарыли.
Помянули. Разошлись.
Это я лежу в могиле,
Там, где всяческая слизь?

Разве э т о г о хотело
Неподобного меню
Умно скроенное тело,
Прытью равное коню?

Разве я лежу в могиле,
Я – который был силён?
Разве я р а с к и с н у т ь в гнили
Был на этот свет рождён?

"Я" уйдёт... Кого зароют?
Чьи останки перемочет
Вод грунтовых немота?
Над не-мной лежит плита.

А быть может, из мамыши
Вынимали не-меня
В час, когда в родилке нашей
От надсады помер я ?

Безымянную тревогу
Отчего привили мне?
"Предоставлен будет Богу..." -
Услыхал я в глубине.

Я... Не-я... Зачем порвали
Пуповины этой нить
И шлепками растолкали,
Кинув (жить, считали) гнить?!

Гнить... Причём не выбирая,
Как в автобусе билет,
И не чая жизнерая
Обрести во цвете лет.

Словно я не живши умер,
Словно этот бег времён
Заглотнул мой дух, как зуммер -
Неисправный телефон.

За недолгую дорогу

Я утрат набрал под вздох;
"Предоставлен будет Богу..."
И – дошёл: а есть ли Бог?

Есть Он – Звёздное Всеухо,
Обращённое к Земле?
До Его доходит слуха
То, что движется во мгле?

Всё, что дышит под бетонной
Разом рухнувшей плитой,
Слышит слух Его безсонный,
Видит Глаз незолотой?

Знает? Слышит, как по рельсам
Поезда куда-то мчат?
Как грачами погорельцы
От отчаянья кричат?

Ясно слышит, как влетает
В грудь расплавленный металл?
Как снежок летит не тает
Сквозь разрушенный квартал?

Может, слышит, как старуха
Причитает над бойцом,

Что в бою лишился слуха
И моргает всем лицом?

Я никто... Я пыль в эфире,
Я полночная роса...
А моё повсюду в мире
Сердце ловит голоса,

Всё, что снизу прорастает,
Как незрячая трава,
Всё, что сверху налетает,
Как волна и как молва.

И бежит мороз по коже
От услышанного в ночь,
Но... поэма разве может
Человечеству помочь?

Был бы я, поэт, умельцем -
В облаках бы не витал
И несчастным погорельцам
Теремок из слов собрал.

Был бы я обширней телом,
Обнимая целый свет,
Может, пуля б не влетела

Под коротенький жилет.

Зная судеб человеческих
Неизбежно точный срок,
Я б свои подставил плечи
Под планетный потолок.

Одного душа боится
И одно её томит -
Что перо моё, жар-птица,
Чью-то мысль опередит;

Что, как тихое словечко
Отзовётся – и вдали
Кто-то выдернет колечко
Полной пороха Земли?

Что стихи! Мой стих не знает,
Нет, не знает наперёд,
Что планету ожидает
Через месяц, через год.

Как пойдёт, за строчкой строчку
Я вытягиваю сам,
Будто шью из слов сорочку
По стежочку – к небесам...

Помню... Сумрак... И свечу я
Нёс куда-то в тишине;
Пообвык... И вдруг почувял,
Что глядят в затылок мне;

Оглянулся... Хлеб. Корзинки.
Воск... Дрожащий и ничей.
И увидел вдруг – слезинки
Будто маминых очей -

Свет небес!..
И всю обкапал
Мне ладонь печальник воск,
И, смутясь, как будто на пол
Опалённый выпал мозг.

"Мать!
Я молюсь Тебе всею
Статью...
скрипами в кости -
Помоги...
Я не сумею
Наш...
Разрыв...
Перенести..."

...А потом в тени собора
Вопрошал я Диодора:
"Отчего мы так живём,
Будто все чего-то ждём?"

Он шепнул:
"Подходят сроки...
Провещали встарь пророки
И дивеевский отец
Зверю Красному конец,
Мировому царству Зверя,
Зверя злобы и безверья...
Вот и ты, не тратя дни,
В сердце глубже загляни
И поймёшь...
Господь всё слышит,
Потому... что Царство свыше,
Царство Божией Зари
В каждом сердце... "

Глава третья

Тихая моя родина,
Я ничего не забыл...

Николай Рубцов

.....
.....
.....
.....

... Морем света
Разливалась та весна,
И гудел у первоцвета
Шмель, басовая струна.

И казалось, что окрепли
Те, кто был зимою слеп
И в постылом горьком пепле
Подбирал подножный хлеб.

Продиралась новь наружу,
Перепахивая старь.
И влекла сорока в лужу
Незамеченный сухарь.

А над миром в день воскресный,
В этот продох от проблем,
Лился чудный-расчудесный
Вечный свет, известный всем...

Накануне Дня Победы,
Помню, дед в пивной курил
И в сердцах, как внуков – деды,
Громогласно всех журил;

Синегазо глядя в дали,
Он слова не брал взаймы
И, звоня во все медали,
Наседал:

"...Боролись мы,
А за что?
Не достучаться
До умов и до сердец,
До друзей и домочадцев -
Всё... Хана! Стране конец!
Вот и всё... Была, и нету,
Сверхдержава из держав.
Рассмешим дерьмом планету,
И обмылки издержав.
Вот и всё... Возьмёт на мушку
Чей-то злобный чёрный глаз
И отчизну-побирушку,
И неправых прошлым нас.
Вот и всё... Живи в разлуке

И лови в кармане грош...
Но не вам судить нас, внуки,
Отцедив от правды ложь!"

"А прижим?.."

"...Внушали веру
Нашей партии дела, -
Рваться к небу, в стратосферу,
В космос – наша цель была;
Нас на битвы поднимала
И звала на поиск руд..."

"А крестьян с полей согнала?
А миллионов рабский труд?.."

На таран тараном вторить?
Вмиг взорвётся ветеран,
Если станешь с дедом спорить,
Если вымолвишь: т и р а н .

А вояка в довершенье
Вдруг и выдай:
"...Приглашенье
Миттеран прислал... Париж!
Я летал, как будто стриж!

Угощали нас "нормандцы",
Были песни... Были танцы.
Поглядел я парижан -
Ай, да что там у рижан!
Лавки – блеск, дороги – ралли!
А ведь как тогда спросил
Кейтель, сдав остатки сил:
"Мы и франкам проиграли?"
А германцы как живут,
Те, кричавшие "капут" -
И в обносках не гуляют,
И в пивнухе дрянь не пьют!
Миллионы положили
В землю мы...
А разве жили?
Жрали – что? Ходили – в чём
Скопом всем, к плечу плечом?
"Направляющая сила"?
Эта сила – жизнь косила,
Жизнь своих – своим мечом,
Всё ей было нипочём!
Глубь земли – и ту достали
Тем щитом...
А те столбы
Пели нам: "Вели-кий Ста-лин!"
И – молились мы, рабы...

Вышли в космос, да блистали
Голой задницей с небес,
И куда там только сталью
Ни влезали "за прогресс"!
А теперь всё прахом, даром,
Отовсюду – наутёк!
И, заморским став базаром,
Получили – сухпаёк..."

Глядя в дедовы ладони,
Думал я – а как во мгле
Убегали от погони
Те, на Белом корабле?
Кто, герой, ходил в Мюратах,
Тот потом издалека
О покинутых пенатах -
О потерянных пенатах -
О поруганных пенатах -
Воздыхал у камелька
И в ночи – в парижской сини
Башню взяв наперевес, -
Плавал мыслию... в Россию
Инфантерии небес, -
Мысль витала над расстрелом
Императора с Семьёй:
"Мать Россия!

Как растерян
Стал твой шёпот,
голос твой
Голубиный, материнский,
Уходящий в небеса
И за тех, кто матерится
Лаем дьявольского пса!
А глаза твои льняные,
С явью смешивая сны,
Отразили дни ночные
В смутном пламени войны.
От Дуная до Тагила,
От пустынь до мерзлоты
Широченная могила -
Русь... "

Ужель погибла Ты?

На какой вершине высечь
В камне, покрупней:
Из семидесяти тысяч -
Сотня алтарей!
Пришлецам была мессией,
А своим – чужой;
Господи, спаси Россию
От... себя самой!

Русь... И смуты, и мытарства
У Тебя в крови,
Не страна Ты и не царство -
Грёза о любви...
Не страна, а – страсть Христова,
Море, море слёз!
У Тебя венец терновый
Ярче алых роз.
Ты на вечный бой возникла,
А не на уют, -
Оттого и Твой возница,
Русь, бывает лют!
Ты – святое бездорожье
И дремучий лад,
И порой Твоё безбожье
Твой крушит уклад -
Образа палит спесиво,
Гложет купола.
Но и в горе Ты красива,
И во тьме светла...

Глава четвёртая

Любого цвета флаг повесьте на сарай -
В нём всё равно и пыльно, и убого...

Александр Башлачёв

Наблюдая перемены,
Перемен... боялись мы,
Ковыряя пальцем стены
Сверхпространственной тюрьмы.

Послабленья были редки,
Было многое нельзя.
И надежда птицей в клетке
Билась, крыльями скользя.

Ликовал Берлин огромный
Над поверженной стеной,
А в Москве... комбат бездомный
Злость расплескивал в пивной;

Где-то в Польше воевали
С монументом-главарём,
А у нас... как прежде звали
Крах – "Великим Октябрём";

Костерили тех, кто строил
Коммунизм на спецпайках,
И опять... широким строем
Шли с портретами в руках;

Называли строй "прижимом",
"Диктатурою шпаны",
И... считали, что дружины
Были вправе стричь штаны;

Ужасались: "Полегло-то
Как под косами травы!"
С чистым сердцем пылеглота
Анонимной синевы...

Но ворвался к нам однажды
В полумёртвый общий дом
День отчаянно отважный,
День – идей отживших слом!

Всё, что искоса и косо,
Шепотком и второпях,
Полилось разноголосо
На горячих площадях...

Помню я – в столице танки,
И скандирует народ
На Кольце и на Лубянке:
"Дик-та-ту-ра не прой-дёт!"

Помню – яркую затею
Показал тогда экран,
Как Железного за шею
На Лубянке вздёрнул кран.

Идол пал... А что он значил,
Август, лета перевал,
Если – не переиначил,
А – старьё переназвал?

Всё равно вокруг всё те же
Лица, те же все посты
От Карпат и Белой Вежи
До Чукотской долготы.

Неужель вокруг всё то же
Будет зрелище нищёт,
А надежды уничтожит
Перестрелка-пересчёт?

Значит, нет преображенья?
Значит, мнимое оно?
Значит, флага водруженье -
Это всё, что нам дано?

.....

.....
.....
.....

По чужой судьбе-отчизне
Точим слёзы в две реки,
А в своей суровой жизни
Разобраться не с руки.

От идей до воплощенья
Пролетают сотни лет,
Сотни лет – на приращенье
Стран иных, себе во вред.

Сотни лет в зловонной жиже,
Вранограй да стенотреск,
А повыше... серость лижет
Лебединый переплеск.

Сверхдержава? Нет... Избёнка
С полным погребом ракет,
Что соседского ребёнка
Держат в страхе сотни лет.

Сотни лет одно и то же,
Словно скверный анекдот.

И – смеётся, мир тревожа,
Над самим собой народ.

Мы и вправду сверхбогаты,
Коль смеёмся над собой -
Отдаём леса и золото,
Выдаём секрет любой,

Дни мелькают на гулянке,
Нефть сосём, скребём по дну
И на этой нефтетьянке
Строим правнукам казну.

Век трясёмся под указкой,
Век – в тарелке не своей,
Зачарованные сказкой
О красе чужих полей.

Значит, вывод иноверца
Верен в той времена пыли
О... сверхмерном русском сердце
В сверхтюрьме своей земли?

Сверхпространство до Китая,
Хоть и тая, – по прямой
Таково, что улетаю

Трижды вспомнишь путь домой -

Улетишь... А т а м не валом,
Т а м не хапом, не внагрёб,
Т а м с твоим сердечком шалым
Ностальгия гонит в гроб;

Возвернёшься – и в отчизне
Вновь заплачешь на пятак,
Все мечты о новой жизни
Волоча в дрянной кабак...

Нет речонки без притока,
Не стоят леса без пней,
И державы без порока
Нет... Как почвы без камней!

Как отвеять прах от праха,
Отцедить от крови кровь
Там, где царствовала плаха
И была рабой любовь?

Что же это?.. Цвет втоптали
В прах, в безлетье Колымы,
Чтобы матери не спали
У ворот всяя тюрьмы,

В Курске чтоб, в Клину, в Коломне -
Коммунальщиной крещён, -
В душевной красной душеломне
Каждый третий был возвращён!

Помню я нательный крестик,
Как заставили – снимать,
Как трезвонил палец-пестик,
Вызывая в школу мать!

А повсюду громогласно
Раздавался красный бред,
Что и власть у нас прекрасна,
И страны счастливей нет...

Не святой, а всё же предки
С в о й порядок берегли,
Потому и были редки
Непорядки на Руси;

Но... пришло иное время,
Кон всему, что – испокон.
Стала вдовою Деревня
Под церковью прощальный звон.

Ополчась на всё, что Божье,
Всё, что живо, – Красный Зверь
Лад – по крохам – уничтожил,
Память стёр...

А что теперь?

Где он, рай с рекой медвяной,
С неувядною красой?..

...Снилось мне, что я как пьяный
По Приволжью брёл босой;
Видел я черневший в поле
Изуродованный храм,
Что в своей безкрестной доле
Настежь был открыт ветрам;
Снилось мне, что две подружки -
Две берёзки – шелестят
И под вечер на опушке
Задушевно говорят:

"...Ах, подруженька-сестрица,
До чего же ты мила,
И стройна, и круглолица,
И кудрява, и светла!..."
Отвечает ей другая:

"Ах, берёзонька-душа,
Что вздыхаешь, дорогая,
Али ты не хороша?
Не тебе ли тётки ёлки
Русы косыньки плетут
Да из лапника иголки
На заколки отдают?
Не тебе из ситца юбки
Носит вешний ветерок?
Не в твоих ветвях голубке
Нежно гулит голубок?
Ни листочек на макушке
У тебя не опалён,
Глянь, желтеет на опушке
По тебе иссохший клён!..."
А берёза, та вздыхает,
Ветки выгнувши дугой:
"Клён желтеет-иссыхает
Не по мне, а по д р у г о й ...
Ты слыхала, что приветно
Шепотнул ручей траве?
Клён влюбился безответно
В т у берёзу, на церкви".
"Это что ж это, – ветвями
Шевелит вторая, – т а ,
Что кровавыми ветрами

Колокольне привита?
Я слыхала – полстолетья,
Не укрытая от бурь,
Т а берёза хлещет плетью
Божью чистую лазурь;
Почитай уж за полвека
Не у дела Покрова, -
Нет в округе человека
Самозванку – на дрова!
А трудов-то меньше трёхи
Т у гордячку обломать..."

Вдруг – как обухом:
"Дурёхи!
А не жаль родную мать?.."

Что за чудо! Встрепенулся
Трёхсотлетний мощный дуб;
От испуга аж крутнулся
У берёз в груди луб:
"Вы малы...
А я вот слышал,
Как погодушка со зла
На обглоданную крышу
Листьев медь понанесла...
Лень-прабабка, дурь-милашка,

Аль избы негодный сруб, -
Ванька Серая Сермяжка
Наточил, бродяжа с фляжкой,
На сельчан богатых зуб.
На добро чужое падох,
Беглым правя мужичьём,
Кулаков согнал в распадок
И... зарыл их всех живьём.
Через год в седле явился
И велел Покровский храм, -
Чтоб никто в нём не укрылся, -
Навсегда отдать ветрам.
Как Христа, штыком прошили
На вратах пономаря
И святых распотрошили,
Точно птицу – егеря...
Стопудовик бряк о бровку
И – на дровни, хохоча!
И под выстрелы Покровка
Полыхнула, как свеча.
Дым вполнеба...
Как я выжил,
Знает Бог, да тот набег,
Что дотла селенье выжег,
Пожалев троих калек.
А когда прибило пламя,

Обезлюдело село;
И на чёрный храм ветрами
Бел берёзку занесло.
Прижилась, пустила корни...
Что ж – её одной вина,
Что в округе безпризорны
Подрастают семена?.."

...Сон иль явь?
Под шевеленье
Лунных трав открылось мне -
Жертвой самоистребленья,
Иль, быть может... в искупленье
Русь истаяла в огне.

Всё давным-давно сгорело,
И погасли огоньки,
И остыло всё, что грело,
Лишь чернеют угольки.

Неужели слишком поздно?
Может, время обмануть
И, отплакавши, безслёзно
Угольки в золе раздуть?

Верой, памятью, дыханьем,

Мнится мне, былое тронь -
И с последним трепетаньем
Заиграет в нём огонь,

Заиграет всё, что крепло,
Пело, плакало порой,
Всё, что ввысь рвалось из пепла
Бедной памяти людской.

Нет... Напрасно! Ведь грозою
Полстраны в ничто смело,
И три четверти золою,
Отыграв своё, легло.

Поглотил огонь ревуший
Всех – кто прав, кто виноват,
Русь катком своим расплющил
Левый ад – и правый ад...

Царство мы в с е б е убили.
Так... Но корень из земли
Как в запале ни тащили,
А исторгнуть не смогли,

Выжгли всё... А корень тлеет.
Не горит. Дымит едва.

Будто может, да робеет
Вспыхнуть – выкрикнуть слова!

Словно там, в глуши-завражье,
Чья-то силища кипит
И, не внемля силе вражьей,
На своём крепясь стоит

И, крепясь, о том, что было
Помнит, даже не дыша...
От распила до распыла
Век жива ещё Душа.

Глава пятая

Бывает больно и пустому сердцу...

Елена Барина

Сон приснился? Иль сгустился
Надо мною морок дней?
Я смирился... И простился
Навсегда с весной моей.

Кто сказал, что время лечит,
Если что-то не сбылось?

Мы, должно быть, – чёт и нечет, -
И замысливались врозь.

Лёд и пламень, сахар с перцем -
Врозь... И росчерки планет -
В несовмес... И то, что – в сердце -
И о н а была поэт...

Так, бывает, Зодиака
Потускнеет прежний вид,
Если вдруг звезда из мрака
В дивном платье пролетит

И, затмив небесной статью
Приземлённую мечту,
Ветру звёздному в объятья
Ускользает в темноту.

Я прозрел – о н а комета,
Друг е й ветер... И тогда
Я, из мести, стал поэтом-
Ветром... Ветром без следа!

Два поэта не сойдутся,
И потомки не поймут,
Почему они... дерутся,

Хоть из общей чаши пьют

И клюют из общей банки,
И вопросов общий воз,
Но – не сходятся, как гранки
Разнокегельных полос.

Может, разница в ответах,
В геометрии крыла?
Или в том, что как планета
Им Земля давно мала?

Неужель разлук истоки
В том, что так похожи мы?
Нет... Мы просто одиноки
В тесноте сердечной тьмы.

Страсть, любовь... Откинь одежды,
Лей возлюбленной вино -
Всё пустое! нет надежды!
И в объятьях "я" – одно!

Страсть – минутное пыланье,
Смутный жар... И всё что есть -
Это вычурность желанья
И причудливая месть.

Тщетно сердце в тесной клетке
Бьётся, к ближнему скользя, -
Вечен плен. Просветы редки.
В клетку ближнего нельзя.

И напрасно друг от друга
Пониманья ждём в ответ, -
Сердце наше в круге круга,
Там, где круга вовсе нет!

Сердца в сердце – нет!

Синица

Бьётся, глохнет под рукой
Искалеченной страницей,
Неоконченной строкой,

Словно всё, что было, – кривда
Крови, каплющей в кювет...
Мой журавль уносит крылья,
И летит ему вослед -

"Я твою целую руку -
И синицу эту в омут!
Я тебя целую в губы -
От превратностей пути,

В щёку я тебя целую -
Подставляй её другому!
Я твои целую плечи -
В журавлиный свет лети..."

И – прощай...
Не видеть неба!
Вниз!
В безкрылые дела!
В крик -
"...аванс – на булку хлеба,
Что двугривенной была!.."

В лязг – "...железный вновь порядок!
Меры жёсткие принять!
Нам Тишайшего не надо,
Надо Грозного опять!.."

В гул – "...пушай придёт спаситель,
Пиночет или Де Голь,
Твёрдых цен восстановитель
На говядину и соль!.."

В шумный спор – о том колоссе,
Что стоял, – по мнению многих, -
Устрашая, да в колосьях

Пряча глиняные ноги -

О Союзе спор – что злющих

Разведёнок баб – о муже:

– "А могло б оно и лучше!"

– "А могло б оно и хуже!"

В плач и в пляс...

"...Ой, Вискули!

До чего ж вы довели!

Отобрали трое зубров

Наши кровные рубли!"

"Как Беспалый б ни дурил,

Нет России без Курил,

Ох, припомнят Теннисисту,

Что в Берлине он творил!"

"Кто в Завидово живёт,

Тем завидует народ,

Потому как не завидно

У народа жисть идёт!"

Помню – ражий агитатор,

Бывший, может быть, начлаг,

Поливал на сходке матом
Ставший новым с т а р ы й флаг:

"Полосатый флаг российский,
Флаг Петров, торговый стяг -
Флаг заморского засилья
На отеческих костях!
Флаг ходынской чёрной тени
Над Девятым января,
Флаг – на дне в кровавой пене
Тылом преданный моряк...
Флаг обиженных сиятельств,
Превратившихся в бродяг;
Флаг амбиций и предательств,
Знамя власовских вояк...
Флаг бесчинств и разрушений,
Мести вылезший сыпняк,
Беловежских соглашений
Закулисный план-верняк;
Флаг войны без объявления,
Что ведёт пахан косяк,
Флаг судьбы для поколенья -
Проститутка, вор, босяк;
Флаг – на внутренних таможах
Расщеперенный бедняк;
Это – знамя бездорожья,

Флаг-распад!.."

"...А красный флаг?

Флаг сплошного затопления,

Деревенский храм-топляк;

Флаг народовыселенья,

Флаг-насильник, флаг-цепняк!

Флаг – на дачах генеральских

Подневольный молодняк,

Флаг вторжений каннибальских,

Флаг – чужой свободы враг!

Флаг великих комбинаций

Верных ленинских служак,

Флаг пропавших ассигнаций,

Ставший фантиком дензнак!

Флаг стрельбы на поражение,

Флаг – завшивленный барак,

Флаг террора, униженья,

Флаг – антихрист, флаг – ГУЛАГ!.."

– Невезучий!..

– Кровожадный!..

– Трёхполосный!..

– Красный!..

Мрак!

Век-распад...
И, вновь надмирный
Не снеся эпох надлом,
Наш пятнадцатиквартирный
Развалился общий дом,

Жуть настала...
О хорошем
Забывали средь потерь,
Вспоминая сны о прошлом,
Где и зверь совсем не зверь.

И бывало, что приснится
На свободе без гроша,
Будто узнику темница
По привычке хороша.

Но, как сладко ни бывает
Погружаться в сны уму, -
Жёстко, грубо разрывает
Новый день бывшего тьму.

И, не выбравшись из ада,
Как порой хотим назад,
Не поняв, что нет возврата

В тёплый хлев и в славный ад!

В час, когда из тьмы зловонной
Выводили нас в развал,
Рай, бездарно насаждённый,
Рай – в стране, опор лишённой, -
Сущим адом представал...

Путь назад казался тошным,
Путь вперёд – безвестней тьмы,
А представить путь хороший -
Правый путь – не смели мы.

Стал нам общий дом чужбиной,
Канул в чёрную дыру...
А Россия что осина
Раскачалась на ветру.

И рвала Москва рубаху,
И влеклась, как встарь слепа,
Самозванцами – на плаху
Разъярённая толпа.

.....

.....

.....

.....

Залп!
И кто-то вёл на крыше
Откровенный репортаж -
Как танкисты, взяв повыше,
Бьют один,
другой
этаж...

Год спустя, в декабрь морозный,
Тех танкистов под Москвой
Самолётами – и в Грозный
Необстрелянными – в бой.

Кто кавказских околесиц
Предугадывал исход?
Был октябрь... Мятежный месяц.
Девяносто третий год.

Кто-то скажет: лебедь Белый
Год за годом, день за днём
Становился слишком смелым,
Слишком вольным вороньём.

И тогда главком – "Расстрельцин!" -

Принародно вставил в рот
Несговорчивым сидельцам
Бронебойный бутерброд...

Что совдепы!

Леденела

Тень на Пресне у моста,
Обнимая чьё-то тело,
Будто снятое с креста;

Ей казалось – чуть привстанет,
Оживёт немая плоть,
И октябрьский мрак растает
От Москвы... до самых... вплоть;

Взяв убитого запястье,
В грудь уткнулась головой;
Мать?
Подруга?
Жертва пятниц,
Чёрных пятниц над Москвой!

Всё прошло... Отгрохотали
Дни кровавые...
А свет
Сокровенное едва ли

Сознавал под звон монет;

И покуда угощеньем
Уставляли стол времён,
Кто-то вымолил прощенье
Сотням, тысячам имён;

Он – и в храме в час обедни,
И в полночной тишине -
Слёзно, словно он последний,
О родной молил стране,

Диодор... Седой затворник,
Смуглый, как тореадор,
Веры истинной поборник,
Дерзновенный Диодор.

Может, грозный гнев Господень
Он отвёл слезой от нас,
Обо всём прося народе
Спасов лик – в тяжёлый час:

"Господи... Избави от мытарства,
Не карай!.. Хоть в пятом поколении...
Все повинны в том, что пало царство,
И не сыщешь – кто был в ослепленьи;

Умоляю, Господи, дай силы
Вынести (не вымести!) измену!
Ты, я знаю, горькую Россию
Голыми коленями измерил...
Кто там выдирает шкворень ржавый,
Ангел справа или ангел слева?
Кажется, разъятую державу
Ничего теперь уже не склеит...
Залепи мне рот кровавой кашей,
Гвозди в руки – пятого размера!
Ты же видишь: те и эти – наши,
Кто страдает больше от измены?
Делят ризы... Ты глаза открой им...
Всё крушат... Пойми, им строить нечем...
Разум дай! И, вновь омыты кровью,
Оживём... Аминь..."

...Ещё не вечер.

Нет, не вечер!.. И Россия
Станет – миру не на страх, -
Словно сказочно красивый
Самоцветный клад – не прах.

Жизнь... Она ведь не прямая,
Выгиб сердцевых лекал...

Верить надо в солнце мая
И во тьме полярных скал,

Сохранять и сеять семя,
Дар свой, труд свой день за днём,
Если даже хлещет время
Смертоноснейшим огнём...

Пусть не в нашей вера власти,
Но, доколе брезжит свет,
Будем жить... Поверим в счастье,
В избавление от бед.

Счастье... Вдруг, тая волненье
В зыбкой тине забвения,
Всхлипнуть от... прикосновенья
Губ, шепнувших:
– Это Я...

Я, любовь, источник жизни,
Я – начало всех начал,
Я в заоблачной отчизне
Парус твой и твой причал,
Я – твой рай, твой путь повсюду,
Я – твой свет... Открой глаза!
Я твоё доверье чуду,

Я слезы твоей слеза
И – в слезах – Виденьем сада
Мириады лет плыву
Я, крылатая услада
Всем безкрылым наяву.

– Мир любви! С Тобою сладок
Самый горький витамин,
Вот бы только сладить... сладить
Мне с собою – до седин.

2005-2006